

Глава 1. Белый Пегас

На полях Пай вы не услышите столь милых и приятных звуков, будящих вас по утрам. Здесь не будут радостно чирикать птицы, жужжать пчёлы. Неважно, густые над домом тучи или нет, жители никогда не услышат даже барабанную дробь дождя. Подобного на этой ферме и представить не могли. Сегодня же Пинкаmine было суждено проснуться от еле слышных голосов, что-то объясняющих друг другу за окном.

Она перевернулась на спину и потянулась, заводя копыта за голову настолько далеко, насколько это возможно. Прямая грива спадала на её лицо, закрывая ровно его половину от и так никогда не проникающего на эту ферму солнечного света. Пинкамина сдула постоянно мешающую чёлку и воспользовалась моментом, чтобы просто полежать и подумать о предстоящем дне. Уставившись в потолок, кобылка старалась разобрать чуть слышимые, нечёткие слова, идущие снаружи. Там явно был кто-то не из её семьи, а это могло значить только одно: опять наступил тот самый день месяца.

Проскользнув боком к краю кровати, она с огромной неохотой выбралась из-под уютного одеяла и широко зевнула, подходя к окну посмотреть на каменную ферму и источник голосов. Ничего нового: пустошь, наполненная камнями да песком. Вообще, на полях Пай не было ничего, кроме покрытых твёрдой оболочкой зерновых и коричнево-серой, потрескавшейся земли, на которой эти растения и росли, пытаясь вытянуть хоть какие-то соки буквально из воздуха. Время от времени появлялись ростки, пытающиеся бороться против природы, только лишь чтобы, коснувшись сухого и мёртвого воздуха, упасть на землю, оставив после себя грустный, высохший труп посреди кристальных камней. Естественная жизнь неестественна на каменной ферме.

Всё ещё стоя у окна, кобылка подняла голову и посмотрела на причину всего этого грустного зрелища: толстый слой облаков, закрывающий каждый сантиметр неба, дабы не пропустить ни один солнечный лучик. Тут же она заметила и говорящих: пару пегасов, уплотняющих тучи. Те уже практически закончили свою работу, заслоняя подарок Селестии. Действительно, пара штрихов, и облака продержатся ещё месяц.

Пинкамина хмуро и устало кивнула, после чего с глубоким, печальным вздохом отошла от окна; Паи были внизу.

Она вошла в кухню и увидела семью, сидящую за столом и завтракающую положенными хлебом с маслом, джемом и соком. Кобылка равнодушно поприветствовала их дежурным “доброе утро”, сорвавшимся с её губ одновременно с протяжным зевком, чему вторили все остальные пони. Её мать, Сью, единственная оторвалась от тарелки и

быстро улыбнулась дочери.

— И тебе доброе утро, Пинкамина, — сказала серая кобыла. — Хорошо спалось?

Она кивнула в ответ, не в силах говорить: слишком устала. Подойдя к предназначенному ей месту, кобылка с ужасным скрежетом от трения по деревянному полу подвинула к себе стул. Сев, она взяла нож, кусок хлеба и стала медленно намазывать на него масло, никоим образом не показывая нетерпения в предвкушении здорового завтрака.

— Видела пегасов снаружи? — спросил её отец, Клайд Пай. Несмотря на улыбку, выражение его лица всё равно оставалось суровым; Пинкамине с трудом верилось, что ему нравится это утро. Вообще, она находила свою семью столь же скучной, сколь и пейзаж за окном.

Кобылка кивнула, не поднимая головы.

— Видела.

— Это хорошо, — сделал он вывод, потянулся и поставил локти на стол, кладя на них голову, смотря прямо вперёд и размышляя. — Они проделали отличную работу, закрывая небо, но я не могу избавиться от дурного предчувствия: облака какого-то странного цвета. Такое ощущение, будто из них может политься дождь.

— И что такого? — не подумав, ляпнула она и крепко зажмурила глаза, поняв, что именно сказала. Никаких сомнений, что теперь придётся выслушать ещё одну скучнейшую лекцию по основам камнефермерства.

— И что такого? — начал он, стоило ей заботиться. — Что значит: “И что такого”? Помнишь три заповеди камнефермерства?

— Да, папа, — раздражённо ответила розовая кобылка, глубоко вдохнула и, закатив глаза, полу-саркастически стала их перечислять. — Первое: на камни не должен попадать солнечный свет. Их содержимое потеряет весь блеск. Второе: всегда держите их в сухости, иначе драгоценные камни сожмутся. Третье: не забывайте поворачивать их по несколько раз на дню. Тогда форма драгоценных камней будет правильной, когда они окончательно сформируются.

— Моё воспитание, — старый жеребец закончил лекцию ещё одной неубедительной улыбкой, к её величайшему раздражению ткнув ей носом в гриву. После этого он вернулся в исходное положение и уставился на облака.

— А теперь мне надо поговорить с этими пегасами. Я не потерплю неправильных облаков; в нашем соглашении с Клаудсдейлом ясно прописано: они предоставляют нам только сухие серые облака, не проливающие дождь, только пока их не растолкают пегасы, — Клайд отклонился назад и сложил копыта на груди, всё ещё смотря в окно. — А эти

выглядят слишком тёмными. Помоги им Селестия, если они притащили дождевые.

— Значит, пока ты с ними разбираешься, я за главную? — с ещё одним протяжным зевком спросила Пинкамина, откусывая от бутерброда.

— Ты ведь не против? — попросил он. — Это бы здорово нам помогло.

Кобылка вновь ответила кивком головы, причём сделала это одновременно с проглатыванием кусочка хлеба. Не стоило так делать, ибо он немедленно застрял у неё в горле, вызвав сильный приступ кашля. Это привлекло внимание её сестёр, Блинкамины и Инкамины, которые молча наблюдали краешком глаза, ожидая, пока та откашляется. В конце концов проглотив этот кусочек, Пинкамина одарила сестёр бесстрастным взглядом, и они вновь уткнулись в тарелки, пережёвывая пищу.

Мать тоже внимательно разглядывала кобылку, но она не обратила на это особого внимания и просто продолжила есть; её ждали ежедневные обязанности.

Но, в отличие от сестёр, серая кобыла не отвела взгляда, а ещё долго смотрела на старшую розовую дочку, буквально заставив её поднять взгляд. Когда Пинкамина наконец-то сделала это, не скрывая раздражения, что ей никак не дают поесть, мать слабо улыбнулась и, заглянув кобылке в глаза, спросила:

— А ты собираешься сегодня обедать вместе со всеми?

Пинкамина медленно помотала головой.

— Нет, я, как и всегда, пойду на реку.

— Опять? — расстроено переспросила Сью, всё ещё наблюдая за кобылкой и с надеждой в глазах ожидая её реакцию. Но ледяной взгляд, что вернула Пинкамина, ещё сильнее расстроил мать и заставил принять решение кобылки кивком головы.

— Ладно. Видимо, там есть что-то более интересное, нежели здесь, у нас, — она опять с надеждой улыбнулась и глянула на дочь. — А как насчёт уроков? Ты же знаешь, мы обычно занимаемся ими во время обеда.

— И ты прекрасно знаешь, что я предпочитаю делать их вечером, — мгновенно ответила та, смотря в сторону, чтобы Сью наконец-то перестала. Она изо дня в день задавала те же самые вопросы, получала на них те же самые ответы и всё равно каждое утро заводила ту же шарманку. — Но во время обеденного отдыха я люблю спуститься к реке и просто расслабиться.

— Конечно, конечно, — несколькими быстрыми кивками ответила серая кобыла. — Надеюсь, ты там повеселишься.

Оставшаяся часть завтрака прошла в тишине. Семья Пай сидела, уткнувшись в тарелки, что-либо говоря и поднимая взгляд, только лишь если интересующая их еда

стояла на другом конце стола. Разумеется, у них всех всегда были причины куда-либо смотреть, причём всегда одни и те же: Клайд Пай сквозь окно наблюдал за облаками, сейчас и каждый месяц, Сью Пай улыбалась членам семьи, чего те упорно не замечали, а сёстры просто жевали еду. Именно так они готовились к новому дню.

Первые же шаги по земле подняли пыль, незамедлительно осевшую на её копытах. Здесь не было ветра, а воздух был сух, словно в пустыне. Она причмокнула губами и облизала их, хотя это была тщетная попытка: уже через пару минут они снова, к её неудовольствию, высохли. Из этого Пинкамина сделала вывод, что сегодня работать будет ещё более невыносимо, чем обычно.

Послышались утренние голоса, заставив её посмотреть на небо. Пара пегасов только что закончила и встретилась в воздухе, чтобы вместе приземлиться на землю. Пинкамина жадно наблюдала за каждым их движением; она была буквально очарована их вытянутыми копытами, разрезающими воздух, их распростёртыми крыльями с тысячами перьев, принимающими всю нагрузку на себя, даже тем, как развевались от ветра их гривы и хвосты. Хотя этим утром совершенно не было ветра, движения пегасов создавали его персонально для них. Они сражались с сухостью, с безжизненностью пустоши в своём прекрасном танце на пути к земле. В отличие от Пинкамины, они могли почувствовать прохладу ветра и прикосновение облаков, о чём мечтала кобылка. У них была свобода, свобода полететь, куда захочется, даже сквозь эту тёмную завесу облаков.

Они приземлились в паре метров от неё: эта светло-розовая кобыла с пышной голубой гривой и зелёный жеребец с коричневыми усами того же оттенка, что и грива. Пинкамина смотрела на них, не думая ни о чём; она была полностью поглощена созерцанием крыльев пегаса и попросту не могла скрыть своё любопытство. Разумеется, пегас заметила её взгляд, ответив ухмылкой и несколько раз взмахнув крыльями специально для любопытной кобылки.

— Круто, да? — сказала она мальчишеским, слегка хриловатым голосом.

Пинкамина очухалась, оторвавшись от любования пернатыми частями пегаса, и густая краска залила её лицо, когда она поняла, что была обнаружена. Пытаясь сохранить лицо, кобылка крепко сжала глаза, выставила нижнюю губу и, посмотрев в сторону, ответила неловко дрожащим голосом:

— Ага.

— Приходится тренироваться каждый день, — гордо продолжила пегас. — Ведь надо всегда быть в форме.

— Тоже верно, — ответила Пинкамина, всё ещё стараясь сохранять хладнокровие.

— Мистер Пай, — сказал пегас-жеребец, смотря и улыбаясь в сторону розовой

кобылки. Та сначала слегка удивилась, что он её вообще заметил, но потом оглянулась через плечо, увидев коричневого отца и двух своих сестёр, стоящих по обе стороны от него. Это обращение было адресовано не к ней.

— Рад видеть вас, мисс Файрфлай, мистер Беард Сташе, — вежливо улыбнулся им отец. — Вижу, вы проделали замечательную работу, застилая небо, но у меня есть несколько вопросов. Мы можем их обсудить?

Жеребец пожал плечами:

— Почему бы и нет? Мы никуда не торопимся.

Услышав это, Клайд посмотрел на розовую кобылку перед ним, подмигнул и быстро улыбнулся ей, намекая, что пора приниматься за работу. Пинкамина поняла это и кивнула.

— Блинкамина, Инкамина, пойдём, — строгим голосом подозвала она двух кобылок, мгновенно и без слов последовавших за ней. Колонной они медленно пошли по полям Пай, Пинкамина в начале, Инкамина в конце. Когда они в конце концов остановились, то обнаружили себя со всех сторон окружёнными камнями. Старшая кобылка развернулась и принялась отдавать команды:

— Хорошо, Блинкамина, иди туда и позаботься о тех камнях, — указала она копытом, и её сестра немедленно отправилась в том направлении. Показав в другую сторону, Пинкамина обратилась ко второй сестре. — Инкамина, твоё поле деятельности там, ладно?

Та, в отличие от Блинкамины, не сдвинулась с места немедленно. Она некоторое время постояла, задумчиво рассматривая большими глазами лицо сестры. Пинкаmine это начало слегка раздражать, ибо она не имела понятия, зачем сестра это делала, так что вернула взгляд, убедившись, что он достаточно решительный и строгий, чтобы заставить Инкамину работать. В конце концов, через секунду тишины, серая кобылка развернулась и медленно поплелась к обозначенному месту, низко повесив голову. Выдохнув и медленно покачав головой в знак раздражения, Пинкамина также повернулась назад, направившись к своему собственному камню. Пришло время начать.

Она внимательно осмотрела этот огромный, крепкий кусок скалы перед ней. Он был довольно увесистым, так что ей придётся приложить немало сил, чтобы сдвинуть его. Глубоко вздохнув и медленно выдохнув, Пинкамина наклонилась, поместила нос между камнем и землёй, после чего приподняла его, изо всех сил напрягая ноги. Он определённо был тяжёлым; кобылке, как она и думала, пришлось очень постараться, чтобы перевернуть его. Пони почувствовала, как дрожат её задние ноги, и наконец-то заставила его перекувырнуться на другую сторону. Сделав это, она облегчённо выдохнула. На лбу уже выступил пот, несмотря на то, что это был только первый камень за день. Вытерев его

копытом, кобылка вздохнула, представив, сколько работы ей ещё предстоит сделать.

Пинкамина шла по следу этого камня, когда услышала откуда-то сверху звук крыльев; она подняла усталый взгляд, тяжело дыша открытым ртом. Пегасы улетали. Они закончили свою работу, поговорили с её отцом, так что у них теперь не было причин оставаться здесь. Их крылья позволяли им унести себя в голубое небо Эквестрии, в то время как Пинкамина могла лишь стоять и смотреть на них с сухих полей Пай.

Теперь, когда пегасов больше не было, Клайд присоединился к дочерям. Он подошёл тихо, не тратя времени на похвалы. И вот все четыре пони заняты работой; Сью же готовила обед. Но даже несмотря на совместную работу, Пинкамине казалось, что она одна. Там было больше камней, чем смогли бы без труда осилить вчетвером, так что у неё не было времени на отдых. Они не разговаривали и не смотрели друг на друга. Им и так было тяжело передвигать камни, какие уж тут разговоры? Пони были слишком заняты своей работой, чтобы даже замечать присутствие кого-либо ещё.

Через пару часов наконец-то зазвонил колокольчик, позвав семью на восстанавливающий силы обед. Но, как и было сказано за завтраком, Пинкамина не собиралась идти вместе со всеми. Они отправились к дому, кобылка же перевела дыхание перед тем, как пойти к реке, отделяющей поля Пай от Понивилля. Сью Пай с порога улыбнулась кобылке, таким образом приглашая её присоединиться. Но та ответила лишь совсем не настоящей улыбкой и покачиванием головы. Серая кобыла, явно расстроенная решением дочери, коротко кивнула и ушла в дом, медленно закрыв за собой дверь.

Времени было не слишком много, чтобы бесцельно его тратить. Пинкамине очень хотелось отдохнуть, так что она со всех ног ринулась к своему любимому небольшому местечку. Только у реки кобылка чувствовала себя в своей тарелке.

Природа Понивилльской Реки казалась практически нереальной по сравнению с Полями Пай, рядом с которыми она находилась. Хотя сама ферма и исчезла из виду, скрытая стеной сочных зелёных деревьев, о ней напоминали густые тёмно-серые тучи, висящие так близко, словно там царилла непрекращающаяся, неподвижная буря. К счастью, ключевое слово здесь “неподвижная”; тень от туч никогда не достигнет этой стороны стены, так что жизнь здесь процветала.

Каждый день Пинкамина сидела рядом с рекой, прикрыв глаза, позволяя каждой отдельной мышце расслабиться, и сегодняшний не был исключением. Она наблюдала за городком по ту сторону реки, за этими симпатичными домиками, расположенными на берегу, и пони, пересекающими перекинутый неподалёку мост, входя и выходя из Понивилля. Ещё кобылка с удовольствием наблюдала за чистым синим небом с изредка встречающимся умиротворяющим пушком небольших облачков и пегасами, парящими

над ней с вытянутыми телами. Она вздыхала, мечтая о своих собственных крыльях.

Но Пинкамина всегда держалась на удалении от всего этого. Она одна сидела на траве, чувствуя себя в безопасности на этом небольшом зелёном пятнышке. Единственным спутником кобылки была приятная погода, в отличие от Полей Пай мягко укутывающей её тело. Чуть-чуть подул ветер, слегка потрепав гриву и пробежав по шерсти, оставляя приятное чувство прохлады на коже. Её рот был немножко приоткрыт, и она могла чувствовать ароматы местной флоры: свежий сладкий запах, который кобылка так лелеяла. Это не был тот сухой и пыльный воздух на ферме. Трава, на которой сидела Пинкамина, всё ещё была влажной от утренней росы, и она смывала всю грязь, оставшуюся на шерсти после тяжёлой утренней работы. Это было её личное убежище, место, где она могла наблюдать за пролетающей жизнью.

Но всё же оно было не идеальным. Несмотря на все приятнейшие чувства, что испытывала Пинкамина, находясь здесь, что-то всё равно её цепляло. Прекрасная сапфирово-голубая вода перед ней, так успокаивающая мягким звуком течения, напоминала ей о нехватке воды дома, в пустошах. Солнце, мягко касающееся кожи сквозь шерсть, его тёплые лучи, смешиваясь с прохладой ветра, напоминало ей о недостатке света на ферме. Даже те занятые пони, пересекающие мост с гружёными тележками, напоминали ей о скучной и серой семье. Хотя Пинкамина и любила находиться у реки, на неё буквально охотились образы Полей Пай. Она никак не могла сбежать от ежедневного стресса, и это заставило её улыбку дрогнуть.

Кобылка подошла поближе к воде посмотреть на своё отражение. Длинные волосы прикрывали половину лица, оставляя видимым только один из её небесно-голубых глаз, хотя изображение и слегка колыхалось от течения реки. Она аккуратно потянулась к своему зеркальному двойнику и легонько коснулась поверхности воды; от этого места разошлись расплывчатые круги, заставляя изображение дрожать ещё сильнее; разобрать что-либо было уже невозможно.

Но тут в помутневшем изображении кобылка заметила нечто странное: белую тень со свисающей с неё палитрой цветов, приближающуюся сзади. Её движения были медленны и равномерны, словно она плыла по воздуху, а не шла по траве. Но вместо того, чтобы обернуться и разглядеть тень получше, Пинкамина лишь прищурилась, словно могла увидеть истинный облик этого изображения в водяном зеркале.

— Сюрприз! — тонким голосочком пропищала тень, и Пинкамина подпрыгнула в воздух, словно через её тело прошёл разряд тока, после чего быстро-быстро замахала передними копытами, изо всех сил пытаясь удержаться от падения в реку. К счастью, она успела восстановить равновесие, твёрдо поставив ноги на траву, и облегчённо выдохнула. Позади слышался смех так сильно напугавшего её существа, прерываемый бесконечным и очень быстрым потоком слов. — Ух ты, вау, ты действительно так удивилась? Не, я имею в виду, я знала, что ты витала где-то в облаках, но я никогда бы не подумала, что будешь такой неожиданной! Ты не упала, повезло, да?

Пинкамина, в свою очередь, пыталась перевести дыхание, изо всех сил удерживая нарастающее раздражение внутри себя. Видимо, незнакомка совсем не собиралась её пугать, так что розовая кобылка натянула на лицо улыбку и, перед поворотом к источнику голоса, постаралась глубоко вздохнуть, чего ей никак не удавалось сделать из-за сбившегося дыхания.

— Ага. Правда, повезло.

Перед ней стояла симпатичная молодая пегаска с белоснежной шерстью без единого пятнышка, естественного или нет, которое бы так сильно выделялось на этом ярком, живом цвете. Её золотую, вьющуюся, а, главное, густую гриву и хвост слабый ветерок мог только слегка поколебать. На её лице играла широкая, радостная улыбка, практически незаметная из-за сливающихся с цветом гривы зубов, зато глаза её, будучи глубокого фиолетового цвета, ясно выделялись и буквально горели от восторга.

Но было в ней и то, что заставило Пинкамину призадуматься. Хотя крылья пегаски были сложены вдоль её тела, а сама она, казалось, стояла на земле со скрещенными передними копытами, как и всякий нормальный пони, её тело парило в воздухе в какой-то паре сантиметров над землёй. Тут кобылка заметила пучок тоненьких, почти невидимых нитей, обвязанных вокруг груди пегаски, и проследовала по ним взглядом, поднимая голову выше и выше. То, что она увидела, не только объяснило, как той удавалось парить над землёй без помощи крыльев, так ещё и заставило Пинкамину широко раскрыть рот и глаза.

Именно это увидела розовая кобылка в отражении, и сейчас она могла любоваться этим без какого-либо размытия или искажения: то была связка небольших мешочков практически всех цветов радуги, висящая в воздухе над пегаской. Каждый из них был заботливо привязан верёвочкой к талии пони, слегка ударяясь друг от друга из-за ветра. Поверхность этих мешочков была достаточно гладкой, чтобы отражать солнечный свет и ослеплять кобылку своим разнообразием ярчайших цветов. Но даже несмотря на это, она не могла отвести взгляд от связки. Это было слишком потрясающе.

— Не могу поверить, что ты так испугалась, — сказала белая пегаска из-под мешочков. Она восторженно двигала всеми частями тела, заставляя следовать за собой и радужную связку; Пинкамина неотрывно следила за ней, водя не только глазами, но и всей головой. — Я уже шла домой и тут внезапно увидела тебя, сидящей у воды, и подумала: “А может мне веселья ради её удивить?”. И это оказалось действительно весело! Кстати, я никогда тебя здесь не видела. Ты новенькая? Переехала сюда? Где живёшь?

Пинкамина не отвечала. Она даже не слушала пегаску, будучи слишком увлечённой наблюдением за сияющими цветами этих странных, летающих мешочков. Один их вид наполнял кобылку необычной смесью безмятежности и трепета, словно они были созданы ради этого. Было просто невозможно смотреть куда-либо ещё.

Но белая пегаска и не думала отставать. Она лишь приподняла бровь и стала перебирать ногами по воздуху, медленно приближаясь к кобылке, чья шея всё сильнее и сильнее загибалась назад, чем ближе к ней оказывалась связка мешочков.

— Ау! Тут есть кто?

Пинкамина продолжала молчать. Даже когда пегаска помахала копытом перед самым её лицом, чтобы привлечь внимание, та совершенно на это не отреагировала. Спустя мгновение, белая кобылка хихикнула и стала кружиться в воздухе вокруг розовой. Разумеется, за ней последовала и связка мешочков, когда верёвочки натянулись, и Пинкамина продолжала смотреть на них, всё быстрее поворачивая голову, чтобы успеть взглядом. Через некоторое время та почувствовала головокружение, да такое, что ей пришлось прибегнуть к помощи двух копыт, чтобы остановить вращение. Глаза ещё продолжали движение, но Пинкамина хорошенько потрянула головой, и всё встало на место.

— Снова привет, — радостно сказала пегаска, останавливаясь прямо перед лицом ошеломлённой кобылки. — Похоже, я нарушила завет, да?

Со всё ещё кружащейся головой и спутавшимися мыслями, Пинкамине пришлось несколько раз моргнуть, чтобы наконец ответить.

— Ты кто?

— Меня зовут Сюрприз, прямо как тот сюрприз, который я тебе только что устроила, — весело ответила пегаска, указывая на себя. — Это одна из тех вещей, что я делаю. Ну, точнее, единственная вещь, что я делаю, причём очень даже хорошо. Но сейчас самый главный вопрос-на-который-нет-ответа: “А кто же ты?”.

— Пинкамина Диана Пай, — слегка растерянно ответила она, не совсем понимая, что вообще происходит. Совсем потерявшись в созерцании связки мешочков, за которыми её глаза до сих пор продолжали наблюдать, кобылка никак не могла собраться с мыслями, и этому совсем не помогал стиль разговора пегаски. — Но почему это самый главный вопрос?

— Потому что я тебя не знаю, — ответила Сюрприз, вновь начав двигаться в воздухе, просто двигая ногами. Она была гиперактивной, и это проявлялось как в её речи, так и в движениях; кружа вокруг Пинкамины, пегаска буквально обрушивала на неё поток слов. — А я знаю всех в Понивилле, даже тех, кто не хочет, чтобы его знали, хотя они не против того, чтобы я их знала, а это довольно странно, правда? Но поскольку я не знаю тебя, ты, должно быть, новенькая в городе, так что я просто обязана с тобой познакомиться, поскольку иначе не смогу говорить, что знаю всех в Понивилле. К тому же я просто люблю знакомиться с новыми пони, это что-то вроде хобби для меня, хотя у меня их и так много. Десятки, сотни, тысячи... Ну, может, не тысячи, но всё равно очень много.

— То есть... — Пинкамина сделала попытку понять что-либо из этого набора слов,
— ...ты хочешь со мной познакомиться только потому, что не знаешь меня?

Белая пегаска быстро закивала.

— Агась.

— Тогда мне очень жаль тебя разочаровывать, — проговорила кобылка с улыбкой на лице. Она была немного ошеломлена поведением Сюрприз, хотя бы из-за её непредсказуемого характера и манеры запутанно говорить, но всё равно необходимо было оставаться вежливой и дружелюбной. — Я живу рядом с Понивиллем всю свою жизнь.

Пегаска так громко ахнула, что буквально заставила Пинкамину подпрыгнуть.

— Правда?! Где?!

Пинкамина показала на небо над кронами деревьев. Белая пегаска проследила взглядом по её вытянутому копыту и зафиксировала взгляд на цели, после чего замолчала. Судя по всему, она углубилась в свои мысли, причём совершенно непостижимые для розовой кобылки. Да и вообще, эту пони окружал ореол загадочности, и это весьма интриговало Пинкамину.

— Ты живёшь там, наверху? — наконец-то произнесла Сюрприз, прерывая тишину.
— Но ты же не пегас, разве нет?

Пинкамина не могла не хихикнуть, видя такую глуповатую реакцию.

— Нет, я живу под облаками. На каменной ферме.

— Там есть каменная ферма?! — вновь слишком бурно воскликнула пегаска, прижав копыта к щекам. — Вау, я даже и не знала! Я думала, там что-то вроде хранилища облаков, на всякий случай. Там должна быть жуткая засуха или что-то подобное. Это и впрямь каменная ферма?! Это так здорово!

— Это совсем не здорово, — со злыми глазами ответила та. Это было сделано чисто рефлекторно, но она быстро поняла, каким грубым было её поведение. Это заставило кобылку покраснеть от стыда и опустить нос между копыт к самой траве; уши коснулись плечей. Пинкамина сжала зубы так сильно, что почувствовала не очень сильную, но всё же боль. Стыд от такой неожиданной агрессии на незнакомца, пусть и на доли секунды, был невыносим для неё. — Извини за это.

— Да ничего страшного, — всё так же весело ответила Сюрприз. Хотя она немного отвернула голову, когда кобылка огрызнулась, ей, казалось, было всё равно. Этот инцидент не покорибл ни её широкоую улыбку, ни гиперрадостное настроение.

Пинкамина уже было открыла рот, чтобы извиниться, но была прервана взмахом

копыта, просящим её пока помолчать. Белая пегаска выгнулась и, с выражением предельной концентрации на лице, стала развязывать один из узлов вокруг груди. Почувствовав свободу, мешочек стал улетать, но попытка побега была предотвращена быстрой на реакцию Сюрприз, перехватившей нить. По воздуху она медленно подплыла ко всё ещё смущённой кобылке и с тёплой улыбкой вручила ей верёвочку.

— Вот небольшой “извини, если я сказала что-то не то” подарок.

Хотя поначалу Пинкамина и удивилась этому подарку, скоро она уже сияла от радости. Менее чем за секунду кобылка перехватила верёвочку и крепко держала её между двумя копытами. Без ещё одного мешочка вес пегаски наконец-то стал больше, чем тянущая вверх сила, и её копыта коснулись земли. Но та совсем не возражала, во весь рот улыбаясь в конце концов просветлевшей от радости Пинкамине.

— Это мне? — совсем жеребячьим тоном переспросила она, будучи переполненной счастьем, как никогда в жизни. — Это так... потрясающе, что я даже не знаю, что сказать.

— Ну так у меня их там целая тонна, — сказала пегаска, указывая на оставшуюся часть связки. — Ну, может, и не тонна, ведь они почти ничего не весят. Или они даже весят меньше, чем ничего, ведь они могут летать. А может вещь весить меньше, чем ничего? В любом случае, я заметила, какими глазами ты на них смотрела, и решила поднять тебе настроение, подарив один.

Пинкамина всё это слышала, но не обращала особого внимания. Она просто кивала и улыбалась, смотря на прекрасный, сияющий, красный материал мешочка перед ней. Он буквально наполнил кобылку такой радостью, таким восторгом, что она позабыла о неприятном инциденте. Пинкамина обернула ниточку вокруг одного копыта, дабы освободить второе, и почувствовала, как он слегка тянет вверх. С особой тщательностью и осторожностью она протянула второе копыто, коснулась им мешочка и нежно его погладила; тот был как будто резиновым, но мог быть сделан и из пластика. Как бы то ни было, когда кобылка провела по нему копытом, раздался пронзительный скрип, но ни её, ни пегаску он не побеспокоил.

— Тебе нравится? — душевным голосом спросила та, волнуясь, каким же будет ответ.

— Очень, — кивнула Пинкамина и отвела взгляд от мешочка, посмотрев прямо в глубокие фиолетовые глаза. — Он прекрасен. Но что это?

— Это же воздушный шарик, глупенькая, — хихикнула Сюрприз, став прыгать на месте и опять обрушивая на бедную Пинкамину поток слов, что для неё, судя по всему, было обычным делом.

— Я уже шла домой со связкой шариков. Кстати, это была вот эта самая связка, но

ты, наверное, уже это поняла, только если ты не тупенькая, но ты такой не кажешься, однако если ты не поняла, что это была та самая связка, то я извиняюсь, что назвала тебя тупенькой. Я не хотела тебя обидеть. Ты ведь не злишься, правда? Так вот, я шла домой с этой связкой, когда увидела тебя, сидящей на берегу, и подумала, а почему бы мне тебя не удивить, а потом ты чуть не упала в воду, а остальное ты и сама знаешь. Но меня больше всего интересует, почему... — она мгновенно перестала прыгать, даже не потрудившись перед этим замедлиться, и посмотрела на Пинкамину, тепло улыбаясь, — ты сидишь здесь совсем одна?

До кобылки не сразу дошло, что именно сказала Сюрприз. Тогда Пинкамина ещё раз глянула на так называемый шарик, улыбнулась мысли, что теперь знает, как он называется, и ответила:

— Ну, я прихожу сюда отдыхать после работы, — говорила она, играя с верёвочкой. — Мне нравится просто прийти сюда и расслабиться. Это что-то вроде моего любимого уголка.

Белая пегаска присела на траву, приготовившись слушать всё, что ей поведаёт кобылка.

— И ты всегда приходишь сюда в одиночку? Каждый день?

— Ага, — кивнула та.

— Это звучит так скучно, — сделала вывод Сюрприз, делая очень странное выражение лица: улыбку, но тянущуюся только к одному из уголков глаз. — Почему ты не играешь со своими друзьями?

— У меня нет друзей, — ответила Пинкамина. Хотя её лицо оставалось бесстрастным, внутри от этих слов словно что-то оборвалось.

Такой ответ заставил пегаску очень громко ахнуть и подпрыгнуть в воздух, где она захлопала крыльями, как колибри.

— У тебя нет друзей?! А как же одноклассники?

— Я на домашнем обучении, — с грустными глазами сказала Пинкамина. Ей было всё труднее и труднее поддерживать улыбку, но она старалась, как могла. — На ферме надо работать весь день, так что мы с сёстрами обучаемся на дому.

— Не беспокойся, — радостно утешила кобылку Сюрприз, после чего подлетела, схватила её за передние ноги и взлетела с ней в воздух. Шарик чуть было не улетел от потрясённой этим внезапным действием Пинкамины, но, к счастью, она успела его поймать. Вися на вытянутых копытах, розовая пони смотрела в глаза пегаске, оказавшиеся на одном уровне с её. Их взгляды немного различались: у Пинкамины был недоумённый и удивлённый, а у Сюрприз беззаботный и восторженный. — Теперь я буду

твоим другом!

— Ты? — смущённо подняв бровь, переспросила кобылка. — Но мы же буквально только что встретились. Я же всего лишь незнакомка.

— Не будь глупышкой-мартышкой, — срифмовала кобылка и хихикнула. — Ты же не можешь встретить друга, перед этим не встретившись с незнакомцем, ведь так?

Даже сказанные абсолютно беззаботным тоном, эти слова что-то задели в Пинкаmine. В её глазах зародилась искра, отправив приятную дрожь вниз по спине; она не могла не улыбнуться, глядя в эти красивые фиолетовые глаза напротив неё, в которых не отражались ни зло, ни раскаяние, ни малейший след чего бы то ни было, кроме радости. Они даже не выдавали в хозяйке какого-либо мыслительного процесса. Предложение дружбы шло искренне, из самого сердца, и именно поэтому Пинкамину это так странно тронуло. Это сделало её счастливой.

Наконец-то хорошенько оглядев пегаску, кобылка заметила её кютимарку. На белой шерсти красовался простой рисунок из шариков. Если точнее, то их было три; каждый из них мог похвастаться тем же прекрасным оттенком фиолетового, что и глаза их хозяйки. Все они связаны нитками, но снизу их ничего не держало. Эти шарики выглядели так, словно свободно летели в небо, собираясь остановиться только у его границы, а то и полететь ещё дальше. Это странно соответствовало и самой пегаске, как подумала Пинкамина. Богемное поведение белой кобылки шло в унисон с лёгкостью воздушных шариков. Равно как и её простодушие с бодростью.

— Ой-ой-ой! — внезапно воскликнула Сюрприз, буквально переполненная возбуждением от чего-то, чего не могла понять Пинкамина. Пегаска быстро поставила новоиспечённую подругу на землю, и принялась летать вокруг неё, описывая круги и петли; за ней тащилась связка шариков. — У меня есть гениальная идея!

Слегка ошарашенная столь внезапным рвением помочь, Пинкамина безуспешно старалась уследить глазами за стремительным движением пегаски:

— Какая?

— Ты, наверное, подумала, а куда я тащу все эти шарики? — вновь с невероятной быстротой стала тараторить Сюрприз. — Я собираюсь украсить ими вечеринку. Она будет у меня дома, и там будет торт, будут конфеты, танцы, смех и всё остальное, и всё это будет настолько весело, что ты просто обязана там побывать. Ведь там будут абсолютно все мои друзья, а они просто замечательные пони, а поскольку у тебя нет друзей, то я подумала, что ты сможешь там их завести, — её голос становился всё менее возбуждённым; впрочем, столь свойственное ей невинное веселье никуда не делось. — Да, для тебя это может быть слишком резкой переменой, но ты совсем не похожа на любящую одиночество пони. Так что скажешь?

Проигнорировав внезапное приглашение, пусть и по непонятной для неё самой причине, Пинкамина решила для начала выяснить значение непонятного ей слова.

— Что такое “вечеринка”?

Тут пегаска прямо-таки застыла на месте, как будто попав под замораживающий луч, и упала вниз, смешно приземлившись на спину, после чего невозмутимо встала, словно ничего не было. Всё её внимание было приковано к столь чудному вопросу кобылки.

— Ты не знаешь, что такое вечеринка?!

Пинкамина смогла только отрицательно покачать головой, не сводя любопытного взгляда со странной пони.

— Да я не могу поверить! Сначала выясняется, что она никогда не видела шариков, а теперь она спрашивает, что такое вечеринка? Как это понимать?

Хотя паника Сюрприз явно была ненастоящей, розовая кобылка приняла её за чистую монету. Судя по всему, незнание о шариках и вечеринках было весьма редким явлением, и оно очень много значило для пегаски. Прекратив ломать комедию, та рванулась к Пинкамину и практически сразу замерла, позволяя своему телу проехать чуть дальше по земле, оставляя чёткий тормозной путь, и в результате оказаться столь близко к розовой пони, что той пришлось отклонить голову назад, дабы избежать столкновения. С забавно глубоким голосом и блестящими глазами пегаска заявила:

— В таком случае, я приговариваю тебя к обязательному посещению моей вечеринки. Ответ “нет” не принимается.

— Но что это? — вновь спросила Пинкамина, жаждая узнать ответ. — Я же не могу пойти с тобой, сама не зная, куда.

Сюрприз втянула голову в плечи, скользнув взглядом по кобылке; в воздухе повисла напряжённая тишина. Затем она приставила копыто к подбородку и задумчиво посмотрела на небо, размышляя над ответом.

— Ну, вечеринка — это когда ты собираешься вместе с пони, но не как обычно, и не с парочкой, а с целой большой компанией, и вы все вместе празднуете что-нибудь, — пегаска вновь перевела взгляд на Пинкамину, тепло улыбаясь. — Это очень тяжело объяснить, правда. Тебе надо самой это увидеть. Но я могу точно обещать одно: тебе понравится.

Каждая клеточка тела Пинкамины излучала неуверенность. Она не была уверена, как ответить Сюрпризу, не была уверена, что именно будет на вечеринке, и, разумеется, не была уверена, что есть такое вообще вечеринка. Из описания пегаски много извлечь не удалось. Молча потирая щёку, кобылка думала, как ответить. Хотя это довольно опасно —

идти неизвестно куда с такой странной кобылкой, — ей действительно того хотелось. Стоило бы, конечно, спросить разрешения у родителей, но Пинкамина была абсолютно уверена, что они откажут. Однако любопытство взяло верх. Во всём этом: в Сюрприз, в этих шариках, даже в жизнерадостном и весёлом её характере было что-то такое, что подталкивало её, заставляло хотеть узнать и увидеть ещё больше. В конце концов, она ответила:

— Да. Я согласна.

Пегаска, казалось, чуть было не взорвалась от переполнившего её возбуждения и радости, подпрыгнув высоко в воздух.

— Отлично! Не могу дождаться момента, как покажу тебя друзьям! Это будет просто супер-пупер потрясающе!

— Надеюсь, ты права, — несколько тревожно ответила Пинкамина, слабо улыбнувшись.

— Ну так вот, — приземлилась Сюрприз на все четыре ноги, — вечеринка начинается в восемь, но ты можешь прийти, когда захочешь. Я никогда не заканчиваю раньше шести утра. Ах да, будет она в «Сахарном Уголке». Знаешь, где это?

Кобылка покачала головой:

— Нет.

— Смотри: просто иди в центр Понивилля, — принялась объяснить её собеседница, — и там ты увидишь ну очень вкусный дом. Это и есть «Сахарный Уголок». Там я работаю и живу с другом.

— Очень вкусный дом? — приподняла бровь Пинкамина.

Но Сюрприз ничуть не смутилась и, беззаботно улыбнувшись, кивнула.

— Да, очень вкусный дом.

Хотя кобылке не стало ни на йоту понятнее, где же именно находится этот дом, она сдалась в тщетных попытках добиться чего-либо ещё от этой странной пони. Лучше ей просто попытаться найти его самой. Вот о чём Пинкамине стоило подумать, так это о том, как добраться до так называемой «вечеринки». Видимо, придётся солгать родителям и незаметно прокрасться туда и обратно. Но она уже не могла так просто отказаться от всего этого.

Весёлыми глазами кобылка посмотрела на стоящую перед ней Сюрприз и, позволив уголкам рта чуть сместить уголки глаз назад, протянула копыто для дружеского пожатия.

— Что ж, тогда увидимся сегодня ночью.

— Уверена, так и будет, — ответила та, после чего, игнорируя протянутое копыта, крепко обняла кобылку, взлетая с ней в воздух. — У меня отличное предчувствие по поводу этого. Увидишь, это будет лучшее в твоей жизни.

Задыхаясь от жёсткого хвата пегаски и чувствуя, что её глаза скоро вылезут наружу, розовая пони нашла в себе силы растянуть улыбку ещё шире и сдавленным шёпотом произнести:

— Надеюсь, ты права.

Хотя кобылка и добралась до Полей Пай всего за пять минут, всё равно было уже слишком поздно: обе её сестры уже работали, переворачивая камни и даже не замечая её прихода. Клайд Пай, напротив, не принимался за дело, ожидая дочь. Он стоял рядом с дверью в дом, внимательно разглядывая приближающуюся кобылку и нетерпеливо стуча передним копытом по сухой земле. Пинкамина нервно сглотнула застрявший в горле ком. Уже более медленным шагом она приближалась к отцу, низко опустив голову от страха; скорее всего, сейчас ей неплохо влетит.

— Итак, наконец-то явилась, — сдержанно-злым тоном молвил коричневый жеребец. — Ещё пять минут, и я лично бы отправился тебя искать.

— Прости, папа, — самым тихим голосом, на который она была способна, ответила Пинкамина. — Меня кое-что задержало.

— Я уже понял, — ответил тот. — Что именно?

В конце концов она нашла в себе силы и подняла глаза, чтобы встретиться с его режущим как нож взглядом. Всё ещё думая о приглашении на вечеринку, кобылка лихорадочно искала причину, на которую купился бы отец. И более быстрому поиску совсем не способствовал звук стучащего по земле копыта. Она плотно стиснула зубы; на лбу выступил холодный пот; взгляд панически бегал туда-сюда, стараясь помочь разуму придумать как можно более убедительную ложь.

— П-прости, п-п-папа, — пробормотала она, купив ещё несколько секунд для размышлений. — Но там была такая старая кобыла, а у неё такая тяжёлая тележка. Я-я просто хотела... помочь ей, но она попросила дотащить её вещи до самого По-понивилля, а я просто не могла сказать нет.

Клайд Пай приподнял бровь, разглядывая дочь, которая, в свою очередь, изобразила неловкую улыбку, надеясь, что он поверит. Жеребец продолжал подозрительно смотреть на Пинкамину ещё с пару секунд, после чего вздохнул и перестал стучать копытом, одобрительно улыбнувшись. Проходя мимо неё назад на поля, он

сказал:

— Что ж, видимо, у тебя действительно не было иного выхода. Но тебе всё равно придётся работать в два раза усерднее, юная леди.

Пинкамина облегчённо выдохнула и вытерла пот со лба. Судя по всему, всё обошлось. Теперь осталось лишь выполнить ночную часть плана и сбежать на вечеринку сегодня ночью. С усмешкой развернувшись, она поскакала к ближайшему камню, выдав необычное для неё: «Есть, сэр!».